

— Ли, ты есть будешь?

Голос шкипера разбудил Хенга. Спросонья он не сразу сообразил, что обращаются к нему.

— Есть? Буду!

— Держи.

Взяв из рук шкипера свою порцию, которую тот достал из белого холщового мешка, Хенг не спешил привередливо корчить лицо. Во дворце он питался хорошо, даже отлично, в прошлой жизни и вовсе пища была великолепной, но в этой жизни ему приходилось и голодать, и есть всякое. Что летает, что ползает — всё съедобно для бывшего ханьского крестьянина.

Развернув тряпицы, он выложил еду на глиняную миску и вернул тряпицы мореплавателю. Всё оказалось не так плохо, как можно было подумать. Из истории прошлой жизни он знал о том, что европейские моряки питались крайне скудно и отвратительно. Варёный рис, который тут же был полит соевым соусом из предложенного шкипером кувшинчика, горсть орехов в меду, твёрдые пресные рисовые лепешки, немного фиников, кусочек тофу и полоска вяленого мяса. Сразу видно, что ханьские моряки не голодают.

Хенг обратил внимание на то, что остальные получили такие же порцию аналогичной еды. То есть его не обделили и никак не выделили.

Чжиган залез на помост рядом с Хенгом и достал себе такую же порцию. Во время еды оба молчали. Но после трапезы, запив её водой, шкипер не сдержал интереса:

— Ли, ты не боишься преследования недругами? Я слышал, что дворцовые интриги — это серьёзно.

— Слава бюрократии — нет, не боюсь! Сухопутные и морские военные силы всегда были слегка на ножах. Без бумажки за мной никто не отрядит погоню. Пока солдаты подадут прошение командиру, пока он договорится с флотскими, там и вечер наступит. Ночью никто не станет высылать корабль. А утром... Разве он нас догонит?

— Ну... — шкипер задумался. — Если это будет сорокавесельная галера, то к прибытию в порт, может, и нагонит нас.

— А может и не будет галеры, — прищурился Хенг. — Солдатам проще послать гонца в Чжи. Но гонец не станет загонять лошадь... Я не император, чтобы ради меня лошадей загонять. Мы по морю прибудем в Чжи раньше. Вот скажи, Чжиган, сколько времени вам понадобится на разгрузку, торговлю и погрузку?

— За день управимся.

Хенг прикинул скорости передвижения курьера и галеры. Выходило, что этот день у него есть. В крайнем случае, можно попробовать пересечь на другой корабль.

Плавание продолжалось пять суток. Моряки старались не отплывать далеко от берега. Земля всегда оставалась в пределах видимости, пусть и вдалеке.

У Хенга было время просчитать ситуацию. Выходило, что если за ним в погоню пустили обычную галеру, то она нагонит его на следующий день после прибытия в порт. Если же в Чжи выслали конного курьера, то он прибудет на место лишь через четыре-пять дней. Последний вариант был более предпочтительным, поскольку к моменту прибытия курьера его уже несколько дней в городе не будет. Но оставалась ещё ориентировка с описанием его внешности.

За время плавания Хенг поработал над маскировкой — выкупил у шкипера одежду моряка. Распознать бывшего сотника по описанию вряд ли смогли бы, а вот наткнутся на знакомого, как показала практика, вполне возможно. Хотя с его ростом и цветом глаз могут и узнать даже по ориентировке.

Стоило галере отдать швартовы, как Хенг подхватил холщовый мешок с броней и оружием. Перемахнув через борт, он выскочил на пирс.

— Ли, ты куда?

Обернувшись к шкиперу, Хенг одарил его хмурым взглядом.

— Провырнись по городу.

— Мы отплываем завтра утром, не опаздывай.

Кивнув, Хенг побрёл по деревянному настилу пирса. На самом деле он не собирался возвращаться на эту галеру. Рисковать нарваться на погоню не значилось в его планах.

Для жителя будущего старинный порт показался бы отвратительным: запахи тухлой рыбы, громкие голоса матросов, грузчиков и купцов. Тут жизнь кипела. Люди торговали, не отходя от берега.

Хенг вдалеке приметил крупную сорокавесельную галеру с квадратным парусом, представляющим собой множество секций из дощечек, между которых крепились отрезки белой ткани. Это традиционный ханьский парус — стоит очень дорого, оттого его можно встретить лишь на судах богатых купцов и на военных кораблях.

Бывший сотник нагло зашёл на борт галеры. Путь ему перегородил широченный шкипер с огромным пузом и мощной мускулатурой, при этом он был на голову ниже богатыря.

Положив руку на палку, которая весела у него на поясе, он грозно посмотрел на незваного гостя.

— Кто такой? Что ты тут делаешь? А ну пошёл вон, пока я не задал тебе палок!

На галере стоял неприятный запах немытых потных тел, который исходил от рабов, прикованных как веслам. Рабы были молодыми мужчинами с чрезмерно развитой мускулатурой. Они сидели и лежали прямо на лавках.

— Заткни пасть, брехливый пёс! — рявкнул Хенг. — Позови владельца корабля, у меня к нему важное дело.

Тяжёлый взгляд сотника и тон привыкшего повелевать человека не обещал ничего хорошего. Шкипер счёл за лучшее позвать купца.

Владелец корабля, выбравшийся из просторного трюма, выглядел недовольным. В отличие от шкипера, он был худым. Дорогой шелковый наряд красного цвета, расшитый золотыми узорами, говорил о состоятельности торговца.

— Кто такой? Что надо? — торговец не церемонился и был груб.

— Я посланник Светлоликого. Куда плывешь?

Хенг протянул купцу бумагу, которую уже демонстрировал Чжихану. Владелец корабля внимательно прочитал документ, лишь после этого подобрел и заулыбался.

— Господин Чан, я плыву к варварам в царство Сатавахана.

— Пятьсот уджу за то, что я плыву с вами.

— Простите, господин Чан, но я не планировал брать пассажиров.

— Ты смеешь перечить воле Светлоликого?!

Грозно сдвинутые брови на лице Хенга ничуть не смутили купца, а вот изъятый из мешка меч и увиденный внутри нагрудник десятника заставили торговца взбледнуть.

— Нет-нет, что вы, господин Чан. Конечно же, я буду рад, если учёный муж составит мне компанию в пути. Будет, с кем обсудить учение Конфуция. Я только распоряжусь купить дополнительных припасов, и мы сразу же отчалим.

— Вот и славно.

Хенг вложил меч в ножны и закинул его обратно в мешок. Оттуда же он извлёк две связки уджу, которые кинул торговцу.

Купец поймал монеты, но при виде них скривился.

— Старые монеты военачальников, — недовольно пробурчал он. — С вами сплошь убытки, господин Чан...

— Этого должно с лихвой хватить на припасы туда и обратно, так что не надо бурчать, — ухмыльнулся Хенг. — Ты в накладе не останешься.

— Меня зовут Шэнли Ван, пройдёте за мной, дорогой гость.

— Можешь звать меня просто Ли.

— Тогда и ты зови меня Шэнли. У меня есть отличное вино...

***

Хенг очнулся с сильной головной болью. Ноги и руки налились непривычной тяжестью. При движении раздался звон цепи.

Продрав глаза, Хенг с изумлением обнаружил себя прикованным к скамье. На руках и ногах кандалы, соединённые между собой цепью. Эта цепь была соединена с другой цепью, горизонтально натянутой вдоль половой балки. Длина цепей достаточная, чтобы лечь. Та из них, которая прикована к кандалам, может скользить по горизонтальной цепи, позволяя перемещаться до борта, чтобы справить нужду.

Рядом на лавке дремал парень лет шестнадцати с огромной мускулатурой. От него разило спертым ядрёным потом и застарелой вонючей жировой грязью давно не мытого человека. Спереди и сзади рабы гребли, а в каждом ряду через одного дремали.

— Попил вина, называется, — тихо пробормотал он.

Раздался звук грузных шагов. В проходе слева от Хенга появился ухмыляющийся шкипер, в правой руке он держал дубинку, которой тут же ударил бывшего сотника по спине.

Боль прострелила спину Хенга. На него накатила ярость. Он вскочил и попытался ударить в ответ, но вместо этого получил серию ударов палкой. Шкипер от души избивал пленника, а

Хенг не мог ничего поделаться — он не мог дотянуться до обидчика из-за цепей, длины которых не хватало. Единственное, что он мог, сгруппироваться и уводить в сторону самые опасные удары. Лишь когда он избитый и обессиленный рухнул на скамью, шкипер прекратил избиение.

— Пёс, ты хоть понимаешь, на кого поднял руку?! — зло прошипел Хенг.

— На раба! — лицо шкипера перекосила кривая ухмылка.

— Пленить имперского посланника...

Шкипер громко рассмеялся над словами Хенга. Сосед-раб Чжао, черноволосый кочевник с большим горбатым носом, проснулся, но продолжил лежать. Он лишь с опаской косился на надсмотрщика.

— Раб, — продолжил шкипер, — ты надеялся нас провести?! Ха-ха-ха! Глупец! Мы опоили тебя и осмотрели вещи.

Рука шкипера нырнула в карман. Он извлёк небольшую деревяшку, в которой Чжоу опознал свою поддельную печать.

— Вижу, что ты узнал свою вещь, мошенник, — оскалился шкипер. — Занимательная вещица... За подделку печати сотника тебя ждёт четвертование. А ещё мы проверили твои монеты... Они будто отчеканены вчера, а не семьдесят лет назад...

Это «будто» было сказано с изрядной долей сарказма. Оно и понятно. Если вещи Хенга обыскали, то не могли не найти лекала для чеканки учжу.

Глядя на кислое лицо Хенга, шкипер вновь разразился громовым хохотом на всю галеру.

— Да-да, мы поняли, что ты не только мошенник, но и фальшивомонетчик. Как минимум, на два четвертования в благословенной империи ты заработал! Так что, раб, благодари духов за то, что мы всего лишь посадили тебя на весла, а не сдали властям.

— Надеюсь, ты вскоре сам передашь мою искреннюю благодарность духам при личной встрече, — зло посмотрел на надсмотрщика Хенг, за что получил ещё один удар палкой.

Хенг продолжал сверлить гневным взором довольного шкипера, мысленно желая ему всякого нехорошего, мягко говоря.

Шкипер, насладившись моментом, продолжил расхаживать среди рабов.

Хизеши наверняка впал бы в ступор и в итоге смирился бы с незавидной участью, как и большинство рабов. В море не существует ни полиции, ни прогрессивного законодательства, ни Женевской конвенции. Есть лишь право сильного.

Прежний Хенг готов был умереть, чем стать рабом. Конечно же, прихватив с собой как можно больше врагов.

Новый же Хенг был другим. Он больше ценил жизнь, особенно свою. Он не смирился и затаился. Решил притвориться принявшим свою участь, но искать способы побега и мести.

Вскоре наступила очередь смениться гребцам. Для Хенга начался новый виток ада. Тело болело после избиения, мужчина не умел грести, но это надсмотрщика не волновало. Стоило кому-нибудь допустить малейшую ошибку, как вскоре прилетал болезненный удар палкой. А поскольку одним веслом управляли двое, то и получали оба.

— Чувствуй ритм, — на ломаном ханьском со злостью прошипел сосед. — Дыши в ритме. Двигайся как я. Смотри, учись. Иначе нас так и будут бить. А я не хочу быть битым!

Хенг прислушался к соседу, стал приспосабливаться к ритму. Руки болели, мышцы гудели, кандалы, несмотря на тканевые подкладки, натирали, солнце истово палило израненную спину, напекало голову. И хотя верхняя половина тела изнывала от жары, ноги замерзали от воды, которая изредка выплескивалась через борт и оставалась в ногах. От холода ноги сводило судорогой. При этом приходилось ворочать тяжёлым веслом.

Пытка, казалось, никогда не кончится. Когда же подул попутный ветер и матросы развернули парус, шкипер гаркнул:

— Убрать вёсла!

Рабы с радостью затаили весла и распластались на скамьях.

Рабов кормили и поили, но чем?! Вода была слегка подтухшей, хотя галера только вышла из порта. Еда: копчёная рыба и залитый водой разбухший сырой рис. Хоть количество пищи было приемлемым, но радости такое питание не приносило.

Когда ветер сменился, раздался протяжный вздох десятков рабов. Вновь пришлось браться за весла.

Вскоре Хенг натёр на ладонях кровавые мозоли. Кандалы натёрли предплечья и голени.

Дальнейшее плавание было однообразным. Час гребёшь, час отдыхаешь, пока гребут другие. Если повезёт и подует попутный ветер, то отдыхают все рабы. Иногда матросы кормили и поили гребцов. Изредка кому-то прилетало палкой от шкипера. Чаще всего доставалось Хенгу.

И не потому, что он не нравился надсмотрщику, а оттого, что Хенг поначалу допускал много ошибок. Но со временем количество ошибок падало. Боль — лучший учитель.

Трое суток продолжалось плавание. За это время не выдалось ни единого шанса на побег. Это не останавливало Хенга от разработки плана. Он подмечал каждую мелочь в надежде, что она даст шанс на обретение свободы.

Хенг заметил, что его регенерация стала намного лучше, чем до смерти. Он и до этого на здоровье не жаловался. На нём всё заживало, как на собаке. А сейчас он и вовсе исцелился за считанные часы. Но постоянные травмы и сильные физические нагрузки не давали ему почувствовать себя хотя бы приемлемо. Всё время хотелось есть. Боль стала его постоянным спутником, будто он и не покидал пыточной.

Время тянулось подобно резине. Грести, грести и снова грести — вот, что оставалось Хенгу. И с каждым движением весла он всё больше ненавидел экипаж судна. Весь экипаж, начиная с купца и заканчивая матросами. Но больше всего он возненавидел шкипера-надсмотрщика.

Единственными его собеседниками оставались рабы, которые в большинстве были сломлены. Да и собеседники из них так себе. Рабами были варвары, которые, за редким исключением, ханьского языка почти не знали.

Кулхин, тот самый подросток, который соседствовал с Хенгом, среди рабов выделялся крепкой волей.

— Кулхин, ты давно в рабстве? — спросил Хенг во время очередной беседы.

— Пару лет, — он перешёл на шёпот: — Ты бы так сильно не дёргал цепями. Если шкипер заметит, то тебе несдобровать! Сбежать не получится, я пробовал.

— А если выйдет? — совсем тихо спросил Хенг. — Ты со мной?

— Да! Но это бесполезно.

Месяц продолжалось плавание. Часто на ночь галера становилась в дрейф. Пару раз она подходила к берегу, чтобы набрать пресной воды.

Хенг за это время изрядно окреп. Даже на скудной пище его и так могучая мускулатура стала ещё более мощной. Спина и живот бывшего сотника были испещрены шрамами от старых ран. От новых же ран не осталось и следа.

Шторм налетел неожиданно. Грести пришлось всем рабам и много, чтобы добраться до тихой заводи. Устали не только рабы, но и матросы. Ветер шумел очень громко, за ним не было слышно криков рабов и матросов. Палуба скрипела, цепи звенели.

Хенг счёл, что сейчас наилучший момент для побега. Рабы устало свалились спать. Матросы кинули якорь и от проливного ливня спрятались в трюме.

Хенг просунул одно звено цепи, которая соединяла кандалы на руках и ногах, в другое звено, после чего стал с силой скручивать цепь. Он не обращал внимания на боль от кандалов, на потекшую из-под браслетов кровь, игнорировал жуткую усталость. От напряжения мышцы взбугрились. Он размеренно дышал, словно упорный спортсмен на тренировке в спортзале. На лбу и поверхности мышц взбухли жилы. Сталь заскрипела. Ещё немного, ещё чуть-чуть... после очередного особо сильного рывка цепь лопнула в районе щиколоток.

Он медленно поднялся и, стараясь не греметь цепью, покрался по проходу. Цепь он намотал на руки.

Некоторые рабы не спали, они заметили Хенга, но смотрели на него с сочувствием или безразличием, словно на мертвеца. Но был среди них один взор полный надежды. Кулхин молился духам предков, чтобы у его напарника получилось убить всех рабовладельцев.

Ещё немного, и он бы достиг надстройки трюма, но внезапно дверь распахнулась. Сквозь пелену дождя в темноте можно было лишь различить контуры фигуры. По объёмному животу Хенг опознал того, кого ненавидел от всего сердца.

Шкипер прищурился, пытаясь понять, кто перед ним стоит. Хенг набросил на его шею цепь и рванул на себя. В движении он развернул шкипера к себе спиной и ногой захлопнул дверь. Он натянул цепь и уперся коленом в спину надсмотрщика. Шкипер захрипел от нехватки воздуха. Он пытался дотянуться пальцами до Хенга, пытался оттянуть цепь от шеи, но тщетно. Хенг продолжал душировать врага.

Шкипер сипел терял силы. Он долго сопротивлялся, но нехватка воздуха дала о себе знать. Он рухнул на колени, ещё громче захрипел и стал конвульсивно дёргаться. Хенг убрал цепь лишь в тот миг, когда полностью убедился в смерти шкипера.

Быстрый обыск позволил обнаружить небольшой стальной нож и палку. Естественно, никаких ключей от кандалов предусмотрено не было, поскольку они были заклёпаны. Единственный способ их снять без вреда здоровью — срубить клёпки.

В трюм Хенг спускаться не спешил. Там сейчас находятся семь матросов и купец. Жадный торговец сэкономил каждый уджу: минимально допустимый экипаж для галеры, дешёвая рабская сила. Бывший сотник надеялся, что это сыграет ему на руку. Вот только сражаться в замкнутом пространстве сразу с восемью противниками опасно даже для элитного воина.

Хизеши в такой ситуации растерялся бы. Да он в любой ситуации растерялся бы. Он был совершенно не приспособлен для жизни. Вот если бы у него был интернет и компьютер... Но до их изобретения ещё как минимум пара тысячелетий. Зато Чжао был прекрасно приспособлен для современной жизни и заточен для сражений. Он дотащил труп шкипера до борта, раздел и выбросил за борт. После чего решил ждать, когда кто-нибудь появится на палубе.

Рабы просыпались от криков «коллег». Они кричали:

— Освободи нас!

— Эй! Мы поможем!

Но как бы Хенг их освободил? Опять рвать жилы, чтобы порвать одну цепь? Кроме трофейного ножа у него не было подходящих инструментов. Лучше сэкономить силы и попробовать справиться самому, чем потратить много времени и сил впустую и упустить момент.

Ждать пришлось относительно недолго, по прикидкам не более десяти минут. Матросы даже через шторм услышали крики разозлившихся на Хенга рабов.

Дверь отворилась. На мокрую палубу под дождь выбрался один матрос, затем второй. Ни один из них не заметил прижавшегося к стене Хенга.

Резкий рывок, и его нож вошёл в подбородок крайнего матроса. Второй обернулся, но не успел даже воскликнуть, как получил могучий удар кулаком с намотанной на него цепью. Удар пришёлся прямо в висок и сразу же наповал убил. На доски палубы рухнули уже мертвецы. Один удар — мертвый противник. Так учили гвардейцев Светлоликого. Хенг был хорошим учеником. Плохие давно полегли на поле боя.

Добыча с моряков была не очень богатой: хлопковая одежда и плетёная обувь на деревянной подошве. Но туфли уже были на ногах Хенга — у шкипера они по качеству были лучше и даже подошли по размеру.

Ещё два обнаженных тела с небольшим интервалом отправились за борт.

Дальше всё пошло не по плану. Хотя и плана особого не было, скорее, ожидания, что моряки будут появляться по одному-два. Но нет. Что-то заподозрив после того, как трое не вернулись снаружи, на борт повалили все остальные матросы. Они были вооружены ножами и палками. Только они не учли, что у Хенга есть преимущество. Проход узкий, пройти в него можно только по одному, а матросы поднимались снизу вверх. Тот, кто наверху, зачастую находится в выигрышном положении.

Первый моряк, оказавшись на палубе, получил сокрушительный удар в висок кулаком с намотанной на него цепью. Второй шедший через дверной проём был насажен на нож.

Товарищ, поднимающийся по крутым ступеням позади, попытался дотянуться ножом до Хенга, но тщетно. Его уже там не было.

Завладев ещё парей ножей, Хенг почувствовал себя более уверенно.

Из трюма послышалась отборная ругань и крики.

— Рабы бунтуют!

— Рабы освободились!

Из нутра корабля купец дрогнувшим голосом воскликнул:

— Вперёд, дети собак! Все рабы не могли освободиться. Там их максимум пара. Быстрее подавите бунт!

— Луки! Нам нужны луки!

— Ну, так возьмите луки! — раздражённо рыкнул торговец.

Освобождая проход, матрос стал затаскивать внутрь тело более неудачливого товарища, тело которого загородило проход на палубу. Дождь и тьма мешали обзору изнутри, но не снаружи. Свечи пусть и плохо, но освещали трюм, а на улице царила кромешная тьма, а как известно, человеческим глазам сложно приспособиться видеть что-то в темноте из освещённого места. Поэтому матрос, который тащил тело товарища, стал прекрасной мишенью — Хенг метнул в него один из ножей. Несмотря на отвратительную балансировку и на то, что нож не был предназначен для метания, он чётко вошёл в шею матроса. Тот с жуткими хрипами завалился внутрь.

«Минус шесть, — подумал Хенг. — Осталось трое».

Это число было более оптимистичным, чем девять. Со всей шайкой разом он бы не совладал, а вот с тремя, да имея пару ножей... Шансы на победу выросли соразмерно с выбывающими противниками.

Сквозь шум дождя он услышал звуки натягиваемой тетивы. Казалось, что в такой погоде невозможно услышать нечто подобное, но человеческие уши слышат многое, просто за громкими звуками очень сложно вычленить более тихие. Но тренированный воин способен распознать некоторые звуки, которые представляют опасность.

Не давая матросам шансов, Хенг резким рывком приблизился к двери и прыгнул в проём. Ещё в полёте он метнул один из ножей, а, приземлившись на спружинившие ноги, он перехватил последний нож в правую руку.

Хенг с удовлетворением отметил, что нож вошёл в плоть врага напротив сердца. Матрос рухнул на подкошенных ногах, заливая кровью пол.

Оставшийся в живых моряк держал в руке бесполезный лук с наложенной на него стрелой. Он с ужасом взглянул на окровавленного Хенга.

Моряк резко поднял лук и направил стрелу в сторону раба.

Хенг прыгнул на моряка.левой рукой он отвёл в сторону лук. Щелкнула тетива и стрела отправилась в короткий полет. Её наконечник воткнулся в стену. Матрос получил смертоносный удар ножом в подбородок.

Радоваться было рано. Купец не первый день в море. Он хладнокровно ждал, когда противник окажется в неудобном положении. Он счёл этот момент отличным для нападения. Чёрной тенью он выскочил из правого бокового проёма каюты. В руках он держал меч Хенга.

Сам же Хенг действительно был в невыгодном положении. Нож застрял. Тело матроса рухнуло, оставляя бывшему сотнику выбор: сковать себя, удерживая труп, либо же отпустить нож. Он выбрал последнее, только всеми силами толкнув мёртвого матроса в сторону купца.

У торговца ушло мгновение, чтобы оттолкнуть в сторону летящего на него мертвеца. Этого хватило Хенгу, чтобы размотать цепь и послать её в голову противника.

Купец ловко отбил цепь в сторону мечом. Это было плохо, поскольку по движениям было видно, что тот знает, с какой стороны держаться за меч.

Ещё хуже то, что Хенг не успел отдернуть цепь на себя. Купец наступил на неё и махнул мечом, целясь в шею сотнику. Хенг быстро присел, пропуская над головой смертоносную сталь, после чего он обеими руками схватился за цепь и резко дернул её на себя. Торговец на миг потерял равновесие. Хенг не стал терять времени на вставание. В бою вооруженных мечом и цепью почти всегда победит первый. Держа место битвы под контролем, Хенг на подсознательном уровне отмечал разные мелочи. Сейчас в сидячем положении он мог дотянуться до рассыпанных по полу стрел, что он и проделал, правой рукой схватив стрелу.

Купец хищно скалился, жертва казалась ему уже неопасной, меч в руке придавал ему уверенности. Сократив расстояние, он рубанул сверху вниз. Холодная сталь должна была разрубить голову Хенга напополам, но она со звоном столкнулась с левым браслетом кандалов, которым воин скользящим движением отвёл смертельный удар в сторону. И хотя смерть прошла мимо, но без ран не обошлось. Его левое предплечье получило серьёзную рану, мышцы оказались перерублены до кости, оттуда обильно лилась кровь.

Миг лицо купца выражало хищную радость, но за следующее мгновение выражение сменилось на страх со смесью неверия. Его глаза испуганно выпучились. Медленно, будто двигаясь в замедленной съёмке, он поднёс руку к животу. Потрогав его, он поднял ладонь. Она была в крови.

Опустив глаза вниз, торговец обнаружил стрелу, на которую его насадил воин, будто энтомолог

бабочку.

Хенг перехватил свой меч из ослабевшей руки купца. Занеся руку для удара острой сталью, он пафосно произнёс на неизвестном доселе языке:

— Асталависта бейби!

Голова купца полетела с плеч с застывшим на лице выражением ужаса и изумления.

Пнув голову врага, Хенг устало опёрся спиной о стену.

— Я же говорил, что вы сами будете общаться с духами предков... А вы не верили!

<http://tl.rulate.ru/book/73953/2101250>